

Письма русских писателей XVIII века

ПИСЬМА Василия Кирилловича ТРЕДИАКОВСКОГО

1. И.-Д. Шумахеру¹

Начало января 1731

Monsieur,

Je suis arrivé ici heureusement le 3 de ce mois. Je n'osais me promettre le succès, dont mon livre est honoré de son altesse. Tout le monde de bon goût veut l'avoir avec une rapidité. J'espère que j'aurai l'honneur d'être présenté à sa majesté imp<eria>le.² Vous aurez la bonté de m'envoyer encore incessamment 150 exemplaires. Excusez, monsieur, cette écriture à la hâte et soyez persuadé que je suis à jamais votre très humble et très obéissant serviteur

B. Trediakoffski.

Mon adresse:

à Trediakoffski, à l'hôtel de son altesse mgr le prince de Kourakin.

P. S. Je vous souhaite une bonne et heureuse année accompagnée de toutes sortes de biens et de prospérités.

Un exemplaire, s'il vous plaît, pour sa majesté bien relié.

Je baise les mains à tous mes amis.

Перевод:

Милостивый государь! Я благополучно прибыл сюда 3-го сего месяца. Я не смел и рассчитывать на успех, которым почтил его сиятельство мою книгу. Все люди с хорошим вкусом желают приобрести ее поскорее. Надеюсь иметь честь быть представленным е. и. в.² Будьте любезны прислать мне безотлагательно еще 150 экземпляров. Извините меня, милостивый государь, за это торопливое писание и будьте уверены, что я навеки ваш нижайший и покорнейший слуга

В. Тредиаковский.

Мой адрес:

Тредиаковскому, в доме его сиятельства господина князя Куракина.

P. S. Желаю вам хорошего и счастливого года, а также всяческого благополучия и преуспевания.

Прошу вас для е. в. — один экземпляр в хорошем переплете. Целую руки всем моим друзьям.

2. И.-Д. Шумахеру

18 января 1731

Monsieur,

J'ai reçu votre très agréable du 11 du présent, dont vous m'avez bien voulu honorer.¹ En vous remerciant, monsieur, pour les bons souhaits que vous me faites, je prends la liberté de vous informer de ce que le gros de la nation dit de mon livre.

Les jugements en sont différents suivant la différence de personnes, de leur professions et de leurs goûts. Ceux qui sont à la cour en sont tout à fait contents. Parmi ceux qui sont du clergé il y en a qui m'en veulent du bien; d'autres, qui s'en prennent à moi, comme jadis on s'en prit à Ovide pour son beau livre dans lequel il traite l'art d'aimer, disant que je suis le premier corrupteur de la jeunesse russe d'autant plus qu'elle ignorait absolument avant moi les charmes et la douce tyrannie que fait l'amour.

Que pensez-vous, monsieur, de cette querelle que me font ces bigots-là? Ne savent-ils pas que la Nature même, cette belle et infatigable maîtresse prend soin d'apprendre à toute la jeunesse ce que soit l'amour? Car enfin nos garçons sont faits de même que les autres, et ils ne sont pas comme des statues de marbre et destituées de toute la sensibilité; au contraire ils ont tous les ressorts qui leur excitent cette passion-là. Ils la lisent dans un beau livre que composent les belles Russiennes telles qui sont fort rares ailleurs.

Mais passons à ces Tartufes leur folie superstitieuse: ils ne sont pas de ceux qui peuvent me nuire, car c'est la lie que l'on appelle vulgairement les pops.²

Quant à ceux qui sont du monde, plusieurs, monsieur, m'en applaudissent en me faisant des louanges en vers, d'autres sont bien aise de m'avoir vu en personne et m'accablent de leurs gastes. Cependant il s'en trouve qui m'en blâment.

Ces mrs-là sont partagés en deux classes: les uns me donnent le nom de vain, parce que j'ai fait par là sonner trompette de moi, et que cela est, disent-ils, d'un homme prévenu en sa faveur qui expose sa vanité au public. Voilà qui est bien. Mais voyez, monsieur, l'impudence des derniers, elle vous surprendra sans doute, car ils me taxent d'impiété, d'irréligion, de déisme, d'athéisme, enfin de toutes sortes d'hérésies.

Par ma foi, monsieur, fussiez-vous mille fois plus grave que Caton, vous ne sauriez vous tenir ici ferme, et sans faire un grandissime éclat de rire.

N'en déplaise à ces ignorants-là, car je m'en fiche, d'autant plus qu'ils sont d'une très petite conséquence, et qu'à chaque trou je trouverai des chevilles.

Voilà, monsieur, toute mon histoire, dont vous m'avez chargé de vous informer.

De votre côté, vous m'obligeriez sensiblement, si le temps vous permet, de vouloir bien m'apprendre ce qui se passe dans votre ville à ce sujet.

Cependant n'ayez pas peur, monsieur d'exposer mon livre au public; et vous supplie très humblement d'être persuadé, que je suis avec tout l'estime, toute reconnaissance, tout zèle et toute la considération la plus parfaite, monsieur, votre très humble, très obéissant serviteur

B. Trediakoffski.

à Moscou le 18 janv. 1731.

P. S. Plusieurs courtisans me demandent la chanson,³ mais je ne l'ai point chez moi.

Перевод:

Милостивый государь! Я получил ваше весьма любезное письмо от 11 сего месяца, которым вы сооблаговолили меня почтить.¹ Преисполненный благодарности,

милостивый государь, за добрые ваши пожелания, я беру на себя смелость сообщить вам о том, что большинство соотечественников говорит о моей книге.

Суждения о ней различны соответственно различию людей, их профессий и вкусов. Придворные ею вполне довольны. Среди духовенства одни ко мне благожелательны, другие обвиняют меня, как некогда обвиняли Овидия за его прекрасную книгу, где он рассуждает об искусстве любить, утверждают, что я первый развратитель российского юношества, тем более что до меня оно совершенно не знало чар и сладкой тирании любви.

Что вы, сударь, думаете о распре, которую затевают со мною эти ханжи? Неужели не знают они, что сама Природа, эта прекрасная и неутомимая владычица, заботится о том, чтобы все юношество узнало, что такое любовь. Ибо отроки наши созданы так же, как и другие, и отнюдь не походят на мраморные изваяния, лишённые всякой чувствительности; напротив, они наделены всем, что возбуждает у них эту страсть. Они открывают ее для себя в прекрасной книге, которую составляют русские красавицы, каких очень мало в других местах.

Но оставим этим святошам их бешеное суеверие; они не принадлежат к числу тех, кто может мне вредить. Ведь это — подлые твари, которых в просторечии называют попами.²

Что касается людей светских, то некоторые из них мне рукоплещут, слагая мне хвалу в стихах, другие весьма рады видеть меня и обременяют меня своими посещениями. Есть, однако, и такие, кто меня порицает.

Эти господа разделяются на два разряда: одни именуют меня тщеславным, потому что таким образом я заставил о себе говорить, а это, по их словам, свойственно человеку самовлюбленному, который выставяет напоказ свою суетность. Все это прекрасно. Но обратите внимание, милостивый государь, на бесстыдство последних; оно, несомненно, поразит вас, ибо они обвиняют меня в нечестии, в неверии, в деизме, в атеизме, наконец, во всякого рода ересьях.

Клянусь честью, Милостивый государь, будь вы в тысячу раз суровее Кагона, вы не удержались бы от громкого хохота.

Да не прогневаются эти невежды, но мне на них наплевать, тем более что они люди неважные, а мне оправдаться нетрудно.

Вот, милостивый государь, и вся моя история, которую вы просили меня вам поведать.

Со своей стороны, вы чувствительно меня обяжете, соблаговолив сообщить мне, если время вам позволит, о том, что в связи с этим происходит у вас в городе.

Не бойтесь все же, милостивый государь, представить мою книгу публике; а я покорнейше прошу вас принять уверение в совершенном уважении, признательности и почтении, с которыми непременно пребываю, милостивый государь, ваш нижайший и покорнейший слуга

В. Тредиаковский.

Москва 18 янв. 1731.

P. S. Многие придворные просят у меня песню,³ но у меня ее нет.

3. И.-Д. Шумахеру

27 января 1731

Je puis dire véritablement que mon livre devint ici à la mode, et par malheur ou bien par bonheur moi aussi avec lui. Ma foi, monsieur, je ne sais que faire; on vient me chercher de tous côtés, on me demande partout mon livre; mais lorsque je dis que je ne l'ai point, on se fâche de telle sorte que je m'aperçois très facilement de leur déplaisir.

Vous ne ferez pas mal, monsieur, d'en faire imprimer encore 500 exemplaires; et c'est que je laisse, comme cela ce doit, à vos dispositions.

Pendant je vous supplie au nom de dieu de m'envoyer 150 exemplaires, dont je vous ai prié, et que vous m'avez promis; et c'est au plutôt que vous pourrez, comme aussi quelques feuilles de ma chanson. Je ne manquerai pas, monsieur, de vous en témoigner toute la reconnaissance la plus parfaite du monde, comme à présent de me dire, monsieur, votre très humble, très obéissant et très obligé serviteur

B. Trediakoffski.

à Moscou le 27 janv. 1731.

P. S. Vous aurez la bonté de les adresser au prince de Kourakin.

Перевод:

Поистине я могу сказать, что книга моя вошла здесь в моду, и, к несчастью или же к счастью, я вместе с нею. Право, милостивый государь, я не знаю, что и делать; ко мне обращаются отовсюду, у меня везде просят мою книгу, а когда я говорю, что у меня ее нет, сердятся настолько, что мне нетрудно заметить их неудовольствие.

Вы не совершите ошибки, милостивый государь, если велите напечатать еще 500 экземпляров; и отдаю я их, как это и должно быть, в ваше распоряжение.

Однако, умоляю вас, ради бога, прислать мне 150 экземпляров, о которых я просил вас и которые вы мне обещали, и как можно скорее, а также несколько страниц моей песни. Я не премину засвидетельствовать вам, милостивый государь, глубочайшую мою благодарность, как ныне пребываю ваш нижайший, покорнейший и признательнейший слуга

В. Третьяковский.

Москва 27 янв. 1731

P. S. Соблаговолите адресовать их князю Куракину.

4. На высочайшее имя

12 ноября 1740

Сего 1740 году апреля в 23 день бил челом я нижайший, блаженный и вечнодостоинная памяти е. и. в. Анне Иоанновне, бабке в. и. в. в Генералитетской комиссии на бывшего кабинетного министра Волынского о насильственном его на меня нападении и на разных местах и в разные времена нестерпимом бесчестии и бесчеловечном четверократном увечьи.¹ По оному моему нижайшему прошению помянутый Волынский в той Комиссии допрашиван и в допросе сказал, что он меня

бил с горячности не опамятовавшись, то есть, весьма безвинно. Сие и манифестом е. и. в. по смерти оного Волынского в народе объявлено, что я мучен безвинно, хотя и не именовав меня нижайшего:² однако в помянутой Генералитетской комиссии решения на мое нижайшее и слезное прошение, знатно что для важнейших других государственных дел, никакого не учинено. Но когда помянутая Генералитетская комиссия отставлена, а учреждена Следственная, то я в оной паки е. и. в. бил челом о том же, то есть, что б мне за безвинное мое четверократное на разных местах и в разные времена страдание учинено было милостивейшее, по государственным правам, награждение.³ Такое мое нижайшее прошение там принято, в дело произведено и решено сим образом, что мне нижайшему надлежит учинить награждение, по силе государственных прав, вдвое за бесчестие и увечье против моего оклада из Волынского имения. А понеже сия Комиссия власти не имела исполнить свое решение затем, что она подчинена правительствующему Сенату, и что имение Волынского отписано все на е. и. в.; того ради о том представила она доношением в правительствующий Сенат, требуя указа о двойном мне против моего оклада из Волынского имения награждении. Правительствующий Сенат, утвердившись на мнении Следственной комиссии как на правильном, также для вышереченных причин не дерзнул ей указа дать о двойном награждении мне нижайшему, но сего ноября 1 дня подал доклад в Кабинет в. и. в., требуя о том указа от в. и. в. и сего ж ноября в Кабинете в. и. в. бывший регент, герцог Курляндский, и паче чаяния всех искусных в правах, к великому их удивлению и с явным нарушением в. и. в. прав, хотя и должно ему было по оным определять, определил мне выдать якобы именем в. и. в. токмо в один раз, а не вдвое, за бесчестье и увечье, то есть триста шестьдесят рублей, а не семьсот двадцать рублей, как то Следственная комиссия решила и как прав. Сенат в. и. в. докладывал.

Всемилоостивейший государь! Прошу в. и. в., да повелит ваше державство учинить мне бедному, беззаступному, страдавшему напрасно, весьма изнурившемся на излечение и всего уже здоровья лишившемся, вдвое, а не в один <нрзб> моего оклада награждение, дабы и я, бедный сирота, участник был высокие в. и. в. милости к совершенному моему порадованию и ободрению при службе в. и. в., и дабы еще усерднейшие на всякий момент моя жизни присовокупил я молитвы к молитвам всех в. и. в. верноподданных ко всещедрому богу, которого здесь на земле в. и. в. нам истинный образ и совершенное подобие, за наивысочайшее и наидражайшее в. и. в. здравие, и также для многолетнего и дражайшего нам всем здравия ея имп<ераторского> выс<очества> благов<ерной> государыни великия княгини Анны, <нрзб> правительницы всея России, в. и. в. любезнейший матери и его высочества благородного государя Антона герцога Брауншвейг-Люнебургского, благословенного ея супруга, а вашего родителя, также и благоверный государыни цесаревны Елисаветы Петровны.

В. и. в. нижайший и всеподданнейший раб Академии наук секретарь
Василей ТрEDIAKОВский.

5. А. Д. Кантемиру¹

14 марта 1743

Monseigneur!

Présument d'être encore dans le souvenir de votre altesse, j'espère d'obtenir son généreux pardon pour la hardiesse que je prends de lui écrire ce peu de lignes. Je sais, que je l'importune dans les affaires les plus sérieuses; mais j'ose me flatter, — que sa bonté,

connue de tout le monde, sentira peu le déplaisir de mes importunités. Ainsi je la supplie de m'être un peu favorable en ordonnant que l'incluse, adressée à s. e. mgr le marquis de la Chetardie,² lui soit rendue exactement. C'est, monseigneur, une lettre d'un pur devoir: car j'ai eu l'honneur de lui appartenir quelque temps pendant son ministère dans notre pays, et c'est par l'ordre exprès de sa majesté impériale notre très auguste souveraine et autocratrice. Me recommandant enfin à la grâce de votre altesse je puis l'assurer que je conserve toujours les mêmes sentiments pour elle, c'est à dire, que je suis plus que personne, et avec un le plus profond respect, monseigneur, de votre altesse, le très humble et très obéissant serviteur

B. Trediakoffsky.

A. St-Pétersbourg le 14/25 de Mars 1743.

Перевод:

Милостивейший государь!

Предполагая, что ваше сиятельство меня еще помнит, надеюсь получить ваше великодушное прощение за смелость, которую я беру на себя, адресуя вам эти несколько строк. Я знаю, что докучаю вам среди самых важных дел, но льщу себя надеждой, что неудовольствие, причиненное моим докучливым вторжением, не поколеблет вашу всем известную доброту. Поэтому я умоляю ваше сиятельство быть ко мне благосклонным и приказать, чтобы прилагаемое письмо к его превосходительству маркизу Шеварди² было ему непременно передано. Это письмо, милостивейший государь, — лишь долг вежливости, ибо в бытность его послом в нашей стране я имел честь некоторое время состоять при нем, и это по особому приказанию е. и. в нашей августейшей и самодержавной государыни. Итак, поручив себя благорасположению вашей светлости, прошу вас принять уверение в неизменных к вам моих чувствах. Иными словами, я, милостивейший государь, более, чем кто-либо, и с глубочайшим почтением пребываю вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

B. Третьяковский.

Санкт-Петербург, 14/25 марта 1743.

6. А. Д. Кантемиру

11 августа 1743

Monseigneur!

L'archimandrite du couvent de la Trinité-Civile Florinski,¹ membre du St Synode, souhaitant fort de remettre 1000 l. à l'étudiant Pierre Vitinski,² pour payer les dettes qu'il a contractées à Paris et pour son voyage en Russie, m'a prié d'écrire à votre altesse pour l'informer très humblement qu'il serait bien aise de donner cet argent à St-Pétersbourg à la princesse sa sœur,³ — en cas que votre altesse voudra bien rendre cette somme au dit étudiant à Paris. Ce prélat tient droit à grand honneur, si votre altesse trouve pour agréable de lui faire savoir les intentions la-dessus.

Quant à moi, je suis toujours plus que personne et avec un le plus profond respect, monseigneur, de votre altesse le très humble et très obéissant serviteur

B. Trediakoffski.

A St-Pétersbourg le 11/22 d'Aôut 1743.

P. S. Faisant état de la bonté de votre altesse, j'ose la supplier de vouloir bien remettre l'incluse au même étudiant. Je l'ai mise dans son couvert sous le cachet volant à dessein,

pour que votre altesse puisse voir ce que je lui en mande. Je conviens, que je l'importune trop; mais je ne puis trop l'assurer qu'elle m'oblige pas ingrat.

Перевод:

Милостивейший государь!

Архимандрит Святотроицкой лавры и член св. Синода Флоринский,¹ имея большое желание передать студенту Петру Витинскому² 1000 ливров для оплаты его долгов в Париже и для его возвращения в Россию, просил меня обратиться с письмом к вашему сиятельству, дабы почтительно известить вас, что он будет рад вручить эти деньги вашей сестрице княжне³ в С.-Петербурге в том случае, если ваше сиятельство соизволит известить его о своих намерениях по этому поводу.

Я же, милостивейший государь, более, чем кто-либо, и с глубочайшим почтением пребываю вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

В. Тредиаковский.

Санкт-Петербург, 11/22 августа 1743 г.

P. S. Зная доброту вашего сиятельства, покорнейше прошу вас передать этому студенту прилагаемое письмо. Я намеренно запечатал его открытой печатью, дабы ваше сиятельство могли увидеть, что именно я ему сообщаю. Я сознаю, что чрезмерно вам докучаю, но прошу не сомневаться, что умею быть благодарным.

7. Члену Собрания Академии наук

26 мая 1746

Monsieur!

Les raisons, qui me font désapprouver le discours de mr Müller¹ et préférer celui de mr Delisle,² sont suivantes.

1mo) Il ne convient pas, que dans la première séance on fasse les plaintes à un supérieur, qui se présente seulement pour prendre l'autorité, et non pas pour se charger la tête des affaires épineuses: c'est pourquoi, il est plus raisonnable de l'en féliciter uniquement et si le temps et les circonstances permettent, de lui proposer quelques légères choses à décider, afin qu'il puisse commencer l'exercice de son emploi. C'est ce qui se pratique généralement partout; et l'on trouvera fort peu d'exemples du contraire.

2do) Chacun peut sentir, que même le supérieur se flatte naturellement de voir plutôt des sentiments de joie dans ses subalternes pour la première fois à l'occasion de son bonheur, que tout d'un coup d'être informé par eux de leurs malheurs: car c'est par cet endroit, que sa charge lui paraîtra pénible et rébutante au lieu qu'elle doit lui paraître honorable, facile et grande.

3^{tio}) Bien loin de pouvoir le prévenir par là en faveur des académiciens, il est plus vraisemblable de croire qu'il en aurait une idée désavantageuse, parce que leurs plaintes subites les expose-и aient aux yeux du président comme des importuns incommodes, qui ne savent s'y prendre à temps.

4to) Comme dans un événement pareil, le discours pourrait être Publique, tout le monde s'attendrait, de la part des académiciens, a quelque chose de grave et de brillant: au contraire, on s'exposerait a la risée du public par des accents plaintifs qui sont hors de saison.

Je consens, que dans un discours on lui doit insinuer quelque chose, et lui faire entrevoir les difficultés qui lui sont réservées résoudre: mais tout cela pourtant en des

termes généraux, prenant bien garde, que la douce idée qu'il se forme encore, ne se <soit> changée en l'idée de quelque déplaisir. C'est ce que le discours de mr Delisle a mieux touché et c'est ce qui me le fait goûter plutôt, que celui de mr Müller: car enfin, on ne sait pas même, si le discours de mr Müller est un discours, ou bien une requête présentée à son excellence de la part des académiciens.

Au reste, je suis avec la considération la plus parfaite, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur,

B. Trediakowski.

Le 26 de mai, 1746.

Перевод:

Милостивый государь!

Причины, которые заставляют меня не одобрять речь г-на Миллера¹ и предпочитать ей речь г-на Делиля,² следующие:

1) Не подобает на первом заседании жаловаться вышестоящему лицу, которое является лишь для того, чтобы вступить в свои права, а не обременять себя затруднительными делами. Поэтому разумнее только поздравить его и, если время и обстоятельства позволят, предложить ему несколько простых вопросов, дабы он мог приступить к исполнению своих обязанностей. Так это обычно делается везде, и можно найти немного примеров противоположного.

2) Каждый может понять, что вышестоящему лицу при первой встрече с подчиненными естественно скорее льстит проявление радости по поводу его удачи, нежели их неожиданное сообщение о собственных горестях; ибо в этом случае должность его покажется ему тягостной и отвратительной, вместо того чтобы казаться почетной, легкой и высокой.

3) Таким образом мы отнюдь не расположим его в пользу академиков, более вероятно, что у него создастся о них невыгодное мнение, потому что неожиданные жалобы представят их в глазах президента несносными докучниками, не умеющими что-либо вовремя предпринять.

4) Поскольку в подобных обстоятельствах речь может быть публичной, все будут ожидать от академиков чего-то значительного и блестящего; а вместо того благодаря этим совершенно неуместным жалобным стонам можно сделаться всеобщим посмешищем.

Я согласен с тем, что в речи нужно ему кое на что намекнуть и дать ему какое-то представление о трудностях, которые ему придется решать, однако все это лишь в общих словах, остерегаясь, чтобы приятное впечатление, которое у него все еще существует, не обратилось в неприятное. Именно это удачнее получилось в речи г-на Делиля, и именно это позволяет предпочесть ее речи г-на Миллера, ибо неизвестно, является ли в конечном счете речь г-на Миллера речью или прошением, представленным его превосходительству от имени академиков.

Впрочем с глубочайшим уважением пребываю, милостивый государь, ваш нижайший и покорнейший слуга

В. Третьяковский.

26 мая 1746.

8. X. -Н. Винстейму¹

4 августа 1746

Qu'il vous plaise de me marquer la raison, pour laquelle on ôte l'unité en mesurant par 4 la période Julienne, quand on veut savoir, si l'année proposée est bissextile, ou non; et d'où vient, que l'on ne fait pas la même chose, c'est à dire, que l'on n'ôte pas l'unité des années de l'ère chrétienne, pour la même cause. Vous m'en obligerez infiniment, et je suis avec la considération la plus parfaite, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur

B. Trediakoffski.

4 d'août 1746.

Перевод:

Не будете ли вы любезны указать причину, по которой вычитается единица при делении юлианского периода на 4, когда хотят узнать, является ли предполагаемый год високосным или нет, и откуда происходит, что не делают того же самого, то есть не вычитают единицу из числа лет христианской эры, для той же самой цели. Буду обязан вам бесконечно, милостивый государь, и остаюсь с совершенным уважением, ваш нижайший и покорнейший слуга

B. ТрEDIAKОВСКИЙ.

4 августа 1746.

9. К. Г. Разумовскому

9 марта 1747

По силе объявления, учиненного мне от господина профессора Штруба де Пиермонта,¹ следующее вашему сиятельству в ответ доношу, а именно: профессорское Собрание начало подавать правительствующему Сенату доношения свои на господина советника Шумахера задолго прежде до моего вступления в оное Собрание. Следовательно, при многих доношениях имени моего подписанного не находится. По вступлении моем в помянутое Собрание (что было во время небытности в Академии наук президента), увидев, что некоторыи непорядки происходили при Академии, которые тогда не могли быть исправлены, как токмо от правительствующего Сената, подписывался и я при нескольких доношениях с прочими профессорами. Но понеже ныне оный непорядки, каковы я тогда видел и мог тогда ж доказывать ясно, все совершенно пресечены, как скоро ваше графское сиятельство определены президентом в Академию: того ради сим моим объявляю, что не токмо ничего я отныне не имею к доказанию против господина советника Шумахера, но и подписку моего имени при нескольких доношениях всеконечно уничтожаю — так, что как бы оно моего имени там и не находилось, в чем и подписуюсь своеручно.

Профессор Василий Кирилов сын ТрEDIAKОВСКИЙ.

Марта 9-го дня. 1747.

10. Ж.-Н. Делилю

13 декабря 1747

Monsieur! J'ai bien reçu votre très agréable du 13 de novembre¹ et je voudrais pouvoir vous exprimer la joie qu'elle m'a faite. Si je suis sensible à l'honneur de votre bon souvenir, je ne suis pas moins reconnaissant aux marques de la bonté que vous me témoignez presque à chaque ligne; et sans mentir elle me sera toujours précieuse. Je vous supplie donc, monsieur, de vouloir bien m'accorder la continuation de votre estime pour moi; j'ose vous assurer que vous ne m'obligerez pas un ingrat, si bien que je mettrai tout en usage pour en pouvoir être digne de plus en plus et avoir l'avantage de la mériter plutôt par des effets que par des paroles.

Pour ce qui concerne l'Académie, elle est à présent, par la grâce de s. m. i. et par les soins assidus de s. e. mgr le président sur un bon pied, à l'incendie près qui lui est arrivé à 5 heures après minuit le 5 de décembre v. s., et qui a causé à la vérité quelques dommages, toutefois réparables. On a dressé avant toute chose, un Règlement et l'Etat qui sont fort solides et équitables; on a divisé l'Académie en deux départements, dont-l'un est Académie des Sciences proprement dite et les membres qui la composeront s'appelleront désormais les académiciens: mais le second est l'Université, subordonnée à l'Académie; ses membres sont les professeurs, dont les emplois et les devoirs sont bien réglés, de sorte qu'aucune contestation n'aura plus de prise sur les esprits. Pour soutenir l'honneur et l'éclat de l'Académie s. m. i. fit la grâce d'augmenter la somme académique annuelle jusqu'à A° 53 000 et quelques centaines de plus. Plusieurs parmi les honnêtes gens trouvent que cet arrangement ne saurait être que très utile à la nation. Mais ce qui me réjouit le plus, ce qu'on ne fait plus paraître aucune animosité, ni mention d'aucune querelle ancienne: ² elles sont ensevelies toutes dans l'oubli parfait de part et d'autre. Nous autres, pédants, en qualité de professeurs s'entend, nous ne respirons que la tranquillité et la bonne intelligence, jouissant d'une paix profonde. O pax, pacem te colimus omnes: * c'est seulement le précis de l'état moderne de l'Académie: les détails en feront un gros calepin.

De l'Académie je passe en Sorbonne, c'est à dire des sciences humaines à la théologie; sans vanité, je suis un peu en état par moi-même de satisfaire mr le docteur et bibliothécaire de Sorbonne ³ sur toutes les questions: néanmoins, pour donner plus de poids à la réponse que je lui ferai tenir par le canal du Collège des affaires étrangères et par conséquent par le ministre de Russie résident à Paris,⁴ même pour en assurer davantage mr le docteur (que m semel iterumque honoris causa hominari et me illi quam maxime comm datum velim),** j'ai cru devoir m'adresser à un de nos prélats, qui sont presque tous, comme vous devez le savoir, fort favorables afin que quelqu'un d'eut fasse cette réponse en latin; et c'est ce que je tâcherai d'effectuer le plus tôt qu'il me sera possible.⁵

L'article, qui vous regarde, monsieur, vous sera peut-être un peu désagréable, et j'appréhende fort que je puisse obtenir pardon de votre part. Oui, monsieur, je fis un extrait de vos annales des phénomènes tant aériens, que célestes; je le traduisis en français; ⁶j'écrivis une lettre pour vous-même. Elle fut déjà mise dans l'enveloppe; je fus donc sur le point de vous envoyer le petit paquet; mais le malheur, le grand et horrible malheur, qui m'a surpris dans un profond sommeil le 31 d' octobre v. s. à 4 heures après minuit m'empêcha d'être homme de parole à votre égard. Toute ma maison avec la petite bibliothèque et papiers, avec mes hardes, linges, nippes, provisions, argent, bijoux et batterie de cuisine, fut réduite en cendres, en moins de rien, et ce qui me tient le plus au coeur, c'est Rollin, l'incomparable Rollin, dont j'ai eu le bonheur de finir la traduction (c'est de son «Histoire ancienne») ⁷ le soir précédent. Ma femme et moi, nous nous sauvâmes à demi-nus par la fenêtre et peu s'en fallut que mon fils, enfant à l'âge de deux ans, n'y fût consumé, ayant été oublié dans son

berceau; cependant une de mes servantes le retira et se sauva avec lui par la même fenêtre; la seconde se sauva aussi, mais une troisième fut surprise et brûlée entièrement: les autres domestiques se sauvèrent comme ils purent. Fâcheuse extrémité! Et <ce> coup me semble être irréparable.

Mais la grâce plus que maternelle de s. m. i. me dédommagea pour la plus grande partie. Outre les étoffes de soie de chaque espèce, les peaux de renards, et toutes sortes de provisions, elle a eu la générosité tout-à-fait impériale de me donner par son ordre exprès, signé de sa propre main, trois mille roubles, qui font comme vous savez, quinze mille livres de France. C'est à juste titre que vous admirez, monsieur, la bonté et la libéralité de notre souveraine. Je passe sous silence les paroles gracieuses et touchantes, que s. m. i. prononça en ma faveur, lorsque je me suis jeté à ses pieds en signe de mes actions de grâces. Il suffit de vous dire que sa grâce impériale passa mes attentes.

Je serais le dernier des ingrats, si je ne vous disais rien de la libéralité charitable envers moi de presque tous les grands-seigneurs et des dames et surtout du prince et de la princesse de Kourakin, du comte et de la comtesse de Warontzoff.⁸ Croyez-moi, monsieur, s. e. mgr. le président, conjointement avec mr l'assesseur de Teploff,⁹ m'ont donné pour plus de 200 roubles; qu'il vous plaise de juger par là des autres.

Je n'oublierai jamais la généreuse libéralité de mr le professeur de Müller,¹⁰ le lendemain de l'incendie, pendant que je ne savais rien touchant la manifescence de s. m. i. il m'envoya vingt roubles, dans le temps que j'étais encore dans la maison de mr le conseiller de Nartoff,¹¹ car c'est lui, qui, par sa bonté pour moi, me retira charitablement, avec toute ma famille, chez soi, en me fournissant 5 jours de suite non seulement le nécessaire, mais même au-delà du superflu. Que le Seigneur, source de toute bonté et charité veuille les récompenser tous, par sa sainte bénédiction et faveur, puisque mes forces n'égalent jamais la grandeur de leur généreuse charité. Au reste, je prends la liberté de vous souhaiter une bonne et heureuse année, dans laquelle nous allons entrer, accompagnée de toutes sortes de biens tant spirituels, que temporels, et faisant mille et mille compliments à madame Delisle, votre chère épouse, je suis avec respect et considération la plus parfaite, monsieur, votre très humble et très obéissant serviteur

B. Trediakoffski.

A St-Pétersbourg, le 13 X^{bre} v. s. 1747.

Перевод:

Милостивый государь! Я получил ваше весьма любезное письмо от 13 ноября¹ и желал бы выразить радость, которую оно мне доставило. Если я тронут той честью, что вы меня помните, то я не менее признателен и за знаки доброты, которые вы изъясняете почти в каждой строке; и скажу по чести, она будет мне всегда бесценной. Прошу вас, милостивый государь, соблаговолите удостоивать меня вашим уважением и впредь: смею уверить вас, что я не останусь неблагодарным, ибо употреблю все старания, дабы быть достойным все более и более, скорее делами, нежели словами.

Что же до Академии, то ныне, благодаря милости е. и. в. и настоятельным заботам е. с. г-на президента, она преуспевает, если не говорить о пожаре, случившемся в 5 часов пополудни 5 декабря ст. ст. и действительно причинившем кое-какой урон, впрочем, поправимый. Прежде всего учреждены Регламент и Штат, весьма основательные и справедливые. Академия разделена на два департамента, один из которых — собственно Академия наук, и члены, ее составляющие, отныне будут именоваться академиками, а второй — Университет, подчиненный Академии, его члены — профессора, занятия и обязанности которых так же, как у академиков, упорядочены таким образом, что никаких споров более возникать не будет. Чтобы поддержать славу и честь Академии,

е. и. в. милостиво повелела увеличить годовой расход на Академию до 53 000 рублей и несколько сотен сверх того. Многие среди благородных людей находят, что подобное устройство Академии окажется весьма полезным для нации. Но что меня более всего радует, так это то, что не проявляется более никакой враждебности и ни малейшего упоминания о прежней распри.² Все они преданы забвению и с той, и с другой стороны. Мы же люди учащие, то есть профессора, наслаждаясь прочным миром, пребываем в покое и согласии. «*O рах, расе m te colimus omnes*».* Это лишь краткий очерк нынешнего состояния Академии, подробное его описание составит целый том.

От Академии я перехожу к Сорбонне, т. е. от гуманитарных наук к теологии; без хвастовства скажу, что я сам в состоянии удовлетворить г-на доктора и библиотекаря Сорбонны³ по всем вопросам: тем не менее чтобы придать больше весомости ответу, который будет по моему настоянию послан через посредство Коллегии иностранных дел, а следовательно, русского министра в Париже,⁴ и для того, чтобы еще больше убедить в этом г-на доктора (*quem semel iterumque honoris causa hominari et me illi quam maxime commandatum velim*)** , я почел долгом обратиться к одному из наших священнослужителей, которые, как вы, должно быть, знаете, почти все склонны к тому, чтобы кто-нибудь из них сочинил этот ответ на латинском языке, и постараюсь осуществить это как можно скорее.⁵

Статья, которую вы видите, милостивый государь, возможно, вас несколько огорчит, и я весьма опасаюсь, что не заслужу вашего прощения. Да, милостивый государь, я сделал экстракт из ваших заметок о явлениях как атмосферных, так и небесных; я перевел их на французский,⁶ я написал вам письмо. Оно было уже запечатано, и я, следовательно, готов был отослать вам небольшой пакет; но несчастье, несчастье великое и ужасное, которое застигло меня в глубоком сне 31 октября ст. ст. в 4 часа пополуночи, не позволило мне быть по отношению к вам человеком слова. Весь мой дом с маленькой библиотекой и бумагами, с платьем, бельем, тряпьем, провизией, деньгами, драгоценностями и кухонной утварью обратился в пепел, в прах, особенно же печалит сердце мое Роллен, несравненный Роллен, перевод которого (его «Древней истории»)⁷ я имел счастье окончить накануне вечером. Мы с супругой моей, полуодетые, спаслись через окно, а сын мой, двухлетнее дитя, едва не сторел, забытый в своей колыбели. Но одна из моих служанок вытащила его и спаслась с ним через то же окно; вторая служанка также спаслась, но третья была застигнута огнем и сторела; другие слуги спаслись, как сумели. Чудовищное бедствие! И удар этот кажется мне непоправимым!

Но е. и. в. оказала мне более чем матернюю милость, возместив в большей его части ущерб: кроме шелковых тканей всякого рода, лисьих шкур и разного провианта, она с подлинно царским великодушием пожаловала мне особым указом, подписанным ее собственной рукой, 3000 рублей, что, как вы знаете, соответствует 15 000 французских ливров. Вы по справедливости восхищаетесь, милостивый государь, добротой и щедростью нашей государыни. Я обойду молчанием милостивые и ласковые слова, которыми е. и. в. подарила меня, когда я бросился к ее ногам в знак моей благодарности. Довольно вам сказать, что царская ее милость превзошла мои ожидания.

Я был бы последним из неблагодарных, если бы ничего не сказал вам о великодушной щедрости ко мне едва ли не всех придворных кавалеров и дам, а особенно князя и княгини Куракиных, графа и графини Воронцовых.⁸ Верьте мне, милостивый государь, его пр-во г-н президент вместе с асессором Тепловым⁹ одарили меня более чем на 200 рублей; а по сему можете судить и о других.

Я никогда не забуду благородную щедрость г-на профессора Миллера:¹⁰ на следующий день после пожара, когда я еще не знал о великодушии е. и. в., он послал мне 20 рублей, в то время как я еще был в доме г-на советника Нартова,¹¹ так как это он

из доброго ко мне отношения приютил меня со всем семейством у себя, предоставляя 8 дней кряду не только все необходимое, но и излишнее, и даже более того. Да воздаст им господь, источник всяческой доброты и милости, своим святым благословением и покровительством, раз уж мои силы не сравняются никогда с величием их щедрой благотворительности.

Впрочем, я беру на себя смелость пожелать вам доброго и счастливого года, в который мы сейчас вступаем, всяческих благ, как духовных, так и мирских, и, посылая тысячу приветствий г-же Делиль, драгоценной вашей супруге, остаюсь с совершенным почтением ваш нижайший и покорнейший слуга

В. Тредиаковский.

Петербург 13 октября 1747.

* О мир, мы все тебя, мир, чтим (латин.).

** я хотел бы, чтобы он не раз был назван чести ради и чтобы я был ему представлен должным образом (латин.).

11. Г.-Ф. Миллеру

18 апреля 1748

Demnach d<ie> Herrn Professores bey Historiographischen Versammlung¹ vor nothig erachtet haben, dass alle die zum Conferenz und Sibirien betreffende Bücher,² so bey d Herrn Professor, Müller vorhanden hier vorrathen seyen; also wird d<er> Herr Professor hiermit dienstlich ersuchet, die bey dem Herr<n> Professor liegende Bücher Morgen gegen 9 Uhr nebst ein<er> Spécification! anhero zu senden.

Votre très humble et très obéissant serviteur

В. Тредиаковский.

Перевод:

В связи с тем, что господа профессора члены Исторического собрания¹ сочли необходимым, чтобы все, относящиеся к Конференции и Сибири книги,² кои имеются у господина Миллера, были бы здесь в наличии, то господину профессору сим официально вменяется в обязанность находящиеся у господина профессора утром к девяти часам прислать сюда вместе с подробным описанием (нем.).

Votre très humble et très obéissant serviteur

В. Тредиаковский.*

* Ваш нижайший и покорнейший слуга

В. Тредиаковский.

12. В Канцелярию Академии наук¹

11 января 1749

По силе присланного мне из Канцелярии Академии наук ордера от сентября 6 дня 1748 году, приобщенный при нем регламент для Университета Историческому собранию я тогда ж вскоре предложил. Чего ради из господ членов, заседающих в оном собрании, помянутый регламент от каждого особливо читан, и па прочтении мнения свои об оном все написали и сообщили собранию; а в какой кто силе, то при сем приобщаю подлинники их,² таким точно языком, каким оные от них самих сочинены: ибо переводить их в нашем собрании некому, для того что переводчиков не имеем, а мне, как известно Канцелярии, времени к тому пег. Но которые пункты в каждом мнении апробованы обще, те моею рукою подписаны, так же и в какой силе они апробованы. При сем же возвращаю Канцелярии Академии наук и подлинник самый регламента об Университете, сочиненный на российском языке.

Профессор Василий Тредиаковский.

Генваря 11 дня 1749 года.

13. В Синод

14 мая 1757

1

Читал я недавно третий) епистола черныя моя Феоптии¹ да и рассудил о параграфе, начинающемся сими стихами:

Как овцы нам дают в потребность нашу волну,
Так, будто наперыв пред ними, черви полну
Чудес способность всю к мягчайшим тем шолкам
Достаточно велми, оказывают нам.
Предивно! какову в себе являют силу!
Готовят как свою богатую могилу!
От семени опять рождаются те как!
И на себя потом берут червиный зрак!
Червяк собою тот нам кажется толь гнусен,
А делать нежный шолк на щогольство искусен!

Да и рассудил, доношу, что сей параграф мало и весьма кратко предлагает о толь дивном естественном чуде, достойном для Зиж-дителей мудрости обстоятельнейшего несколько описания; чего ради и прибавил я к сим десяти стихам еще двадцать следующих стихов, основанных на 38 главе Иова,² а именно,

Возможет ли сие ум благочестно здрав
Припадку приписать толь глупу для исправ?
Художники поднесь, искусством в них неложным
Могли ль подобны быть червям немногможным?
Изобрели ль они хоть средство, что б им вить

Толь равну, тонку толь, и толь блещашу нить?
Другое что у них в руках толь озаренно,
Чтоб делать им парчи цветами распещренно?
Кто весть, как сок листков толь в распростерту вервь
С сугубым слоем в ней, тот обращает червь?
Как, ощутивши пар, мокроточка бестечна
Стать может толь крепка и быть вдоль бесконечна?
И кем червочик сей бывает опасен?
Да будет от зимы в убежище спасен?
В том окутавшись шолку, чему есть сам начало
Не движась там в бой и не дыша ни мало
Не в гробе ль он своем так неживя живет,
Что паки крил себе, восстав в жизнь нову, ждет?
Кто ж мудрость такову к прядению червочку
И дал, чтоб воскресать погодно, как цветочку?
Не меньше дивно есть, И ПРОЧАЯ РЯДОМ.

2

Того ради покорнейше прошу святейший правительствующий Синод, по явленным мне неотплатных милостях, явить и сию, то есть прибавленные мною вновь стихи освидетельствовать; а по освидетельствовании, буде явятся достойны, приказать труждающимся в напечатании Псалтири и Феоптии, что б сии стихи к помянутой моей епистоле и в назначенный параграф присовокупить внесением;³ но при том, желал бы я, что б у них быть в Москве написанным здесь моею рукою стихам, списав с них точную копию для оставления при деле в святейшем правительствующем Синоде.

Сие доношение писал я, Василий Тредиаковский, и руку приложил, от 14 мая 1757 года.

14. В Канцелярию Академии наук¹

Май 1760

Господ членов, заседающих в Канцелярии Академии наук, профессор Тредиаковский просит припамятовать, что ему по напечатанию каждого тома Ролленевы Истории,² получавшему тогда жалованье, давалось по определению за труд двенадцать книг, из которых одна на александрийской бумаге, а другая на любской во французских переплетах, да десять на простой без переплета, а ныне он в корректурах (всегда скучнейших самого дела) пятого <и> шестого томов не по должности уже, но по ревности трудился ж, трудясь также и над седьмым, да без его корректур нельзя и обойтись для некоторых благослов<?>ных причин. Итак, справедливо и должно, мнится, <н>аградить его и ныне равным же образом, в рассуждении <п>ятого и шестого томов напечатанных и уже продав<а>е<м>ых.³

15. В Канцелярию Академии наук¹

30 мая 1762

1

За милостивое решение Канцелярии Академии наук, состоявшееся сего мая 25 дня² в силу моего прошения, поданного апреля 15 дня сего настоящего года, достодолжно благодарствую.

2

Но между прочими пунктами приказания, хотя и всеми благосклонными и с прошением моим согласными по благонамерению, пунктом под 4-м числом, начинающимся: *Также и за перевод последних томов, «по напечатанию оных»*, не можно мне никак быть довольну по многим твердым резонам, кои здесь умолчаваю, сверх что впадающая статейка, *по напечатанию оных*, всемерно против силы прошения моего, явствующего у меня под числом 3-м.

Того ради покорно прошу Канцелярию Академии наук благоволить показать мне полную милость и впадающую статейку в означенном 4-м пункте, *по напечатанию оных* благосклонно переменить на следующую, согласную с прошением моим, *по отдании рукописного тома к напечатанию*.

Доношение писал я Василей Тредиаковский, и руку приложил.
Мая 30 дня 1762 года.

16. В Канцелярию Академии наук¹

2 октября 1762

Спятого тома римския Ролленевы Истории перевод, оконченный мною, вносится при сем в Канцелярию императорской Академии наук почтенно.

Того ради покорно прошу помянутую Канцелярию благоволить выдать мне деньги, определенные за перевод каждого тома: также покорнейше и настоятельно прошу и за перевод четвертого тома той ж истории, которой уже весь и напечатан, кроме что первый заглавный лист не вышел еще из станков не знаю для чего, а притом и за таблицу хронологическую, и за алфавитный реэстр к десятому тому Древней Ролленевы ж Истории (то есть за труд, как могущий составить целый одиннадцатый том величиною в печати, так и бывший мне тягостнее всякого труда в моей жизни) приказать выдать <м>не деньги ныне, в которых я имею самую крайнюю и необходимую нужду.²

Доношение писал я Василей Тредиаковский и руку приложил.
От 2 октября 1762 года.

17. В Канцелярию Морского шляхетного кадетского корпуса

14 марта 1767

Второй том Истории о римских императорах¹ переводом мною окончан, и при сем конец того перевода Канцелярии представляется, для того, что начало, состоящее в большой половине, давно уже отдано в типографию, да и напечатано уже из того семь листов. Деньги триста рублей за труды в силу обязательства моего за каждый том, по внесении сего рукописного верю принять и в приеме расписаться сыну моему Льву Третьяковскому, секретарю Мануфактур конторы.

Сей дубликатный репорт писал я Василий Третьяковский и руку приложил.
14 марта 1767 года.

КОММЕНТАРИЙ

Письма В. К. Третьяковского (1703—1768) начали публиковаться в периодической печати с 1823 г. Однако после издания академиком П. П. Пекарским в 1873 г. жизнеописания Третьяковского, куда вошел обширный корпус писем и деловых документов, собранных в результате систематического обследования академического архива и введенных в большинстве случаев в научный оборот впервые, подборок материалов о Третьяковском в печати не появлялось. Для настоящего сборника была предпринята попытка разыскать в архивах Ленинграда и Москвы новые материалы из эпистолярного наследия Третьяковского.

Известные по прежним публикациям письма в основном носят официальный характер: это переписка по Академии, прошения в Сенат, Синод, на высочайшее имя. Известно и несколько писем научного содержания, обращенных не только непосредственному адресату, но и некоторому кругу, интересующемуся литературно-теоретическими проблемами («Письмо Штелипу», «Ответ на письмо о сафической и горацанской строфах», возможно, письмо 7 августа 1757 г. в «Ежемесячные сочинения»). К жанру личной переписки можно причислить лишь некоторые ранние письма Третьяковского И.-Д. Шумахеру. Между тем сохранились свидетельства о ранней переписке Третьяковского с А. Д. Кантемиром (Кантемир пишет в письме Х. Гроссу от 2 сентября 1737 г. о словаре, который Третьяковский упоминает в письме к нему; см.: *Майков Л. Н.* Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903, с. 89); с М. В. Ломоносовым (письмо от февраля 1741 г. — антикритика на «Письмо о правилах российского стихотворства» Ломоносова и письмо от сентября—октября 1748 г. по поводу «Эпистол» А. П. Сумарокова; см.: ПСС, т. 10, с. 460); с вице-канцлером М. И. Воронцовым (Пекарский, с. 110). Переписывался, по всей видимости, Третьяковский с А. Б. Куракиным, С. Витинским, с рядом духовных лиц — архиепископом новгородским Амвросием, епископом белгородским Петром Смеличем, архиепископом санктпетербургским и шлютербургским Феодосией, архиепископом тверским Митрофаном (Материалы, т. 5, с. 972; т. 8, с. 47). Публикуемые письма дают возможность предполагать существование переписки с Ж.-Н. Делилем и французским дипломатом Ж.-И.-Т. де ла Шетарди.

Вместе с тем эти письма позволяют уточнить наше представление о положении Тредиаковского в Академии наук в 1740-е гг. По-видимому, оно было значительно более устойчивым, чем это представлялось раньше. Трения с Ломоносовым, с членами Канцелярий Академии были еще незначительны, Тредиаковский с достоинством занимает свое место в среде академиков, его положительное мнение о речи Делиля (чрезвычайно важной в заключительной стадии борьбы академиков с Шумахером) служит основанием для ее одобрения, так же как отрицательное мнение о речи Г.-Ф. Миллера способствует ее неодобрению всеми академиками. Отношения с будущими главными противниками Тредиаковского в Академии Г. Н. Тепловым и Миллером, из-за которых он должен будет покинуть Академию наук в 1759 г., в 40-е гг. оказываются весьма благоприятными. Можно говорить и о каких-то особых связях Тредиаковского с влиятельными вельможами двора Елизаветы Петровны.

Деятельность Тредиаковского в Академии наук, Историческом собрании, его литературные труды, их издание находят отражение в публикуемой официальной переписке.

1. Автограф — ААН, ф. 121, оп. 2, ед. хр. 132, л. 1—2.

¹ В письмах 1—3 идет речь о переводе романа П. Тальмана «Езда в остров любви» (СПб., 1730), посвященном князю А. Б. Куракину (1697—1749), покровителю и меценату Тредиаковского. Письма написаны Тредиаковским из Москвы в Петербург Иоганну-Даниилу Шумахеру (1690—1761), с 1724 г. секретарю Академии наук.

² Тредиаковский был представлен Анне Иоанновне в конце января 1732 г.

2. Автограф — ААН, ф. 121, оп. 2, ед. хр. 132, л. 3—4 об. Частично опубликовано в статье А. И. Малеина «Новые данные для биографии В. К. Тредиаковского» (Сб. ОРЯС, 1928, т. 101, № 3, с. 431—432). Ответ Шумахера от 1 февр. 1731 см.: Пекарский, с. 25—27.

¹ Письмо Шумахера неизвестно.

² Как известно, и в допетровской традиционной культуре, и в московском барокко существовал запрет на любовную тему (см.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 193—195, 239—240). Очевидно, что слово «святоши» адресовано и людям старомосковского закала, таким, как епископ Георгий Дашков, и киево-могилянским питомцам типа Феофилакта Лопатинского. Одобряют «Езду...», видимо, члены партии Феофана Прокоповича: в его общество и общество Синодальных членов Тредиаковский вскоре вступает и читает сатиру А. Д. Кантемира с нападками на защитников старины, «против великороссийских богословия учителей, якобы ничего не знают» («Экстракт о бывшем архимандрите Малиновском». Пекарский, с. 38—39; ЦГАДА, ф. 7, № 515). Ср. обвинения в глупости, корыстолюбии и невежестве приверженцу старины, осуждающему «Езду...» от ее защитника (Москвитянин, 1853, т. 2, с. 125, ГВЛ, ф. 256; Рум. музей, I, № 1559).

³ Имеется в виду «Песнь. Сочинена... к торжественному празднованию коронации е. в. государыни императрицы Анны...». Листой⁴ этой песни с нотами напечатан в сентябре или октябре 1730 г.

3. Автограф — ААН, ф. 121, оп. 2, ед. хр. 132, л. 5—6. Частично опубликовано в статье А. И. Малеина «Новые данные...», с. 432. Ответ Шумахера от 15 февр. 1731 см.: Пекарский, с. 27.

4. Список — ИРЛИ, ф. 166 (Л. Н. Майкова), № 96, л. 45—46. Автограф не известен. На обороте копии прошения Тредиаковского определение: «по сему прошению оному секретарю Тредиаковскому за бой его и увечье от бывшего Волынского выдать вдвое

из той суммы, которая за проданные его пожитки собрана и собирается. Именем е. и. в. Анна. Ноября 14 дня 1740 году».

¹ Кабинет-министр А. П. Волынский (1689—1740) дважды жестоко избил Третьяковского, который после этого тяжело заболел. Этот эпизод изображен И. И. Лажечниковым в романе «Ледяной дом». Причиной гнева Волынского, по-видимому, были направленные против него стихи поэта (может быть, басня «Самохвал») и злейшая вражда Волынского с покровителем Третьяковского А. В. Куракиным (см.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен, т. 10. М., 1963, с. 533). 10 февраля Третьяковский написал доношение в Академию наук, в котором изложил все эти события (там же, с. 531—532). Когда Волынский пал и 13 апреля была образована Генералитетская комиссия для суда над ним, Третьяковский 23 апреля подал доношение на высочайшее имя (частично опубликовано: Пекарский, с. 77—79; конец доношения — Отеч. зап., 1860, № 5, с. 101—102). Настоящее прошение Третьяковский подал через три дня после падения регента Э.-И. Бирона (1690—1772), определившего вознаграждение Третьяковскому за бесчестие и увечье.

² В Манифесте о Третьяковском сказано: «Ведая он, Волынский, сам, сколь святы и безопасны наши монаршеские палаты и все ко оным принадлежащие покои и апартаменты... однакож, с нарушением всего того, дерзнул в самых тех наших императорских палатах нагло и насильственно одного секретаря, который о явных его, Волынского, государственным правам противных поступках и нападениях на него нам всеподданнейше бить челом пришел, бить и из тех наших палат за волосы вытащить, и к себе под караулом отослать, и там еще мучительскими побоями оскорблять. И сей свой предерзостный поступок ни во что вменяя тем, которые его в том предосуждали, не постыдился говорить: „пускай де за то сердятся, а я свое взял“» (Отеч. зап., 1860, № 6, с. 573).

³ После казни Волынского 27 июня именным указом образована Следственная комиссия для разбора якобы имевших место финансовых злоупотреблений Волынского и его конфидентов и удовлетворения челобитчиков на бывшего кабинет-министра (Полное собрание законов, т. 11, с. 175, 176; Отеч. зап., 1860, № 6, с. 582). Челобитную на высочайшее имя в Следственную комиссию от 29 июля см.: Пекарский, с. 80—81.

5. Автограф — ГПБ, ф. 971, собр. Дубровского, № 58. Ответ Кантемира от 21 апр. — Сб. ОРЯС, 1903, с. 185.

¹ Кантемир А. Д. (1708—1744) с 1738 г. был русским послом в Париже.

² Ж.-И.-Т. маркиз де ла Шетарди (1705—1758) с сентября 1739 по 1742 г. — посол Франции в России. В феврале 1742 г. по именному указу Елизаветы Петровны Третьяковский был отправлен при Шетарди в Москву, где находился до конца года (Пекарский, с. 85—89).

6. Автограф — ГПБ, ф. 971, собр. Дубровского, № 62.

¹ Кирилл Флоринский (ум. 1744) — проповедник, богослов и библиист, с 1741 г. ректор Московской духовной академии.

² Марья Дмитриевна Кантемир.

³ Возможно, Петр Витинский — родственник Стефана Витинского, преподававшего в Харьковском коллегиуме, последователя и корреспондента Третьяковского (см. о нем: Материалы, т. 4, с. 201).

7. Автограф — ААН, разр. V, он. 1—Т, ед. хр. № 11/1.

В заседании Собрания 23 мая 1746 г. было объявлено о назначении в Академию наук президента К. Г. Разумовского (1728—1803). Это был момент крайнего обостре-

ния давней борьбы между Шумахером и академиками во главе с Делилем. Новый президент должен был разобрать многочисленные доношения академиков в Сенат на Шумахера (см. письмо 9). Академики стремились, чтобы президент занял благоприятную позицию к ним и их требованиям. В Собрании 23 мая Делиль предложил приветствовать президента от имени всех академиков речью, в которой бы «было изложено состояние... Академии и способ ее исправления», и согласился ее написать. В следующем Собрании 26 мая Делиль передал речь академиком для ознакомления (Протоколы заседаний Конференции имп. Академии наук, т. 2. СПб., 1899, с. 145—147). Письмо Тредиаковского обращено, по-видимому, к одному из академиков, принимавшему активное участие в обсуждении речи. В торжественном собрании 11 июня речь от имени академиков произнесли Делиль (текст речи — ААН, ф. 21, оп. 1, № 116, краткое изложение: Пекарский, с. XXII—XXIV), Шумахер и Тредиаковский (см.: Прибавления к «Санктпетербургским ведомостям», 1746, 12 июня, № 47).

¹ Миллер Герард-Фридрих (1705—1783) — с 1730 г. профессор истории Петербургской Академии наук.

² Делиль Жозеф-Николя (Иосиф-Николай) — в 1725—1747 гг. академик-астроном Петербургской Академии наук.

8. Автограф — ААН, разр. I, оп. 73, ед. хр. 54.

Письмо связано с работой Тредиаковского над «Пасхалией» (закончена в 1747 г.), в которой он предлагал свои новые математические расчеты для определения дня пасхи и церковных праздников (несколько рукописей хранятся в ГБЛ, а также ГПБ и ААН).

¹ Винштейн Христиан-Николай (1694—1751) — академик-астроном.

9. Автограф — ААН, ф. 3, оп. 12, ед. хр. 44, л. 105—105 об.

Для разрешения спора между Шумахером и академиками, подававшими на него многочисленные доношения в Сенат, Разумовский 21 февраля затребовал от академиков письменное изъяснение, «не имеют ли они на советника Шумахера еще какие жалобы или доказательства» (Материалы, т. 8, с. 679). Вместе с Тредиаковским отказались от своих обвинений П.-Л. Леруа (ААН, ф. 3, оп. 12, № 44, л. 106) и Винштейн (там же, л. 108); Миллер и Г. В. Рихман уклончиво отвечали, что прежние доношения истинны, но ничего не привели для их подтверждения (там же, л. 108—108 об., 111—112). Особую позицию занял Ломоносов (см.: ПСС, с. 172—173). Тредиаковский подписывал доношения сразу после своего вступления в Собрание 12 августа 1745 г.; в конце августа, сентябре и 13 ноября (Материалы, т. 7, с. 548—555, 634—647, 697—700). Не подписано им первое пространное доношение 24 июля 1745 г. и доношения от 31 июля, 9 августа, 31 декабря 1745 г. (см. там же, с. 480—485, 490—491, 503-510, 718—735).

¹ Ф.-Г. Штрубе де Пирмон (1704—1790?) — с 1738 по 1757 г. профессор юриспруденции и политики, в 1746—1749 гг. исполнял обязанности конференц-секретаря Академии.

10. Список XX в. — ГПБ, ф. 903, собр. А. Г. Яцевича, № 9, л. 1—6 об.

Письмо адресовано Делилю во Францию, куда он был вынужден уехать в начале 1747 г., после того как в Академии наук восторжествовал Шумахер.

¹ Письмо Делиля неизвестно.

² Подразумевается борьба академиков и Шумахера.

³ Доктор и библиотекарь Сорбонны — неустановленное лицо.

⁴ Полномочным министром при французском дворе в 1746—1748 гг. был Г. Гросс (ум. 1765).

⁵ Возможно, речь идет о продолжении контактов между русскими и французскими церквями, начатых в 1717 г. Тредиаковский был причастен к ним во второй половине 20-х гг. в свою бытность в Париже, когда общался с доктором Сорбонны Л. Ф. Бурсье (L. P. Boursier, 1679—1749), активнейшим сторонником сближения. (См.: Пекарский П. П. Наука и литература при Петре Великом, т. 1. СПб., 1862, с. 42; Boursier L. F. Histoire et analyse du livre de l'action de dieu..., vol. 3. Paris, p. 277).

⁶ Место трудно поддается комментированию. Свои работы и записи наблюдений Делиль обычно вел только на французском языке, поэтому Тредиаковский не мог переводить на французский статью самого Делиля. Можно предположить, что речь идет о русских летописях, из которых Тредиаковский по просьбе Делиля делал выписки об астрономических и метеорологических явлениях. (Сообщено Н. И. Невской).

⁷ «Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассириянах, о вавилонянах, о мидянах, персах, о македонянах и о греках... Сочиненное чрез г. Ролленя...».

⁸ Воронцов Михаил Илларионович (1714—1767) — вице-канцлер.

⁹ Теплов Григорий Николаевич (1717—1779) — ассессор Канцелярии Академии наук.

¹⁰ О Миллере см. примеч. 1 к письму 7.

¹¹ Нартов Андрей Константинович (1680—1756) — начальник инструментальной мастерской Академии.

11. Оригинал — ААН, ф. 21, оп. 1, № 18, л. 91. Текст рукой писца, только заключительная формула — автограф.

¹ «Собрание историческое», учрежденное 24 марта 1748 г., занималось гуманитарными науками: историей, литературой и др., а также должно было обсуждать уставы Академической гимназии и университета. (Материалы, т. 9, с. 126; ср. письмо 12). Членами Собрании были Миллер, П.-Л. Леруа, Ш. де Пирмон, Я. Штелин, И. Тауберт, Тредиаковский, Ломоносов, Х. Крузиус, И.-Э. Фишер, И.-А. Браун, должность секретаря отправлял Тредиаковский.

² По-видимому, материалы Сибирской экспедиции Миллера; ср. «репорт» Тредиаковского в Канцелярию Академии наук 19 авг. 1748 г. (Материалы, т. 9, с. 380; ср. также с. 161).

12. Оригинал — ААН, р. 1, оп. 70, № 17, л. 26—26 об., текст рукой писца, только подпись — автограф. Копия — ААН, ф. 3, оп. 1, № 803, л. 20.

¹ В Канцелярии в январе 1749 г. присутствовал И.-Д. Шумахер (ААН, ф. 3, оп. 1, № 518, л. 58—60). Он отослал регламент Академического университета, сочиненный Миллером, Тредиаковскому как секретарю Исторического собрания, «дабы онный предложил Историческому собранию для прочтения, не найдут ли чего прибавить...» (Материалы, т. 9, с. 396). Регламент обсуждался членами Собрании в сентябре—декабре (Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.—Л., 1961, с. 127—137).

² Мнение Ломоносова — ПСС, т. 9, с. 441, мнения Брауна, Ш. де Пирмона, Фишера, Крузиуса и дополнение Тредиаковского к мнению Ломоносова — ААН, ф. 3, оп. 1, л. 23—42 об.

13. Автограф — ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. № 1038, л. 128—129.

¹ Черновой экземпляр теолого-философской поэмы Тредиаковского «Феоптия, или Доказательство богозрения...» (1750—1754).

² Тредиаковский заимствовал из этой главы Книги Иова прием вопроса, обращенного к сомневающемуся.

³ Синод 31 мая приказал «Оные тем профессором Тредиаковский прибавленные стихи, кои по свидетельству оказываются быть непротивны (православному вероучению, — А. Ш.), вышеозначенные печатаемые Псалтирь и Феоптию к показаным оным доношением местам присовокупить позволить...» (ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. № 1038, л. 127). Однако и «Феоптия», и преложение Псалтири в XVIII в. не были напечатаны. Двадцать стихов, которые Тредиаковский приводит в письме, не вошли в текст «Феоптии», опубликованной в Избранных произведениях Тредиаковского в 1963 г.

14. Автограф — ААН, ф. 3, оп. 1, № 254, л. 275. Край рукописи зашит в корешок. Частично опубликовано: Пекарский, с. 213.

¹ В Канцелярии в мае 1760 г. присутствовали Ломоносов, И. Тауберт и Я. Штелин.

² См. примеч. 7 к письму 10 на с. 65.

³ 29 мая Канцелярия постановила удовлетворить просьбу Тредиаковского.

15. Автограф — ААН, ф. 3, оп. 1, № 259, л. 281.

Попытка Тредиаковского издавать на своем коште и продавать «Римскую историю от создания Рима до битвы Актийския» Ш. Роллена была неудачна. 15 апреля 1762 г. он обратился в Канцелярию с просьбой взять издание на казенный кошт (частично опубликована; см.: Пекарский, с. 217—218; автограф — ААН, ф. 3, оп. 1, № 259, л. 274—274 об.). В публикуемом прошении Тредиаковский просит выдавать гонорар по отдаче им рукописи, а не по напечатании тома. На это прошение Канцелярия постановила выдавать Тредиаковскому гонорар в 300 рублей после выхода каждого тома в свет, «а не так как бы господин Тредиаковский сомневался, что по напечатанию всех той истории томов». Если по «типографским невозможностям» выход томов задерживался, «а он бы чрез то не получа иногда долгое время денег не терпел нужды», то выдавать деньги по получении рукописного тома. На копии этого определения приписка Тредиаковского: «Сие определение читал и по нем исполнять буду, токмо б мне по внесении каждого рукописного моего тома деньги жалованы были: ибо, считаю, может что типография без всякия отрывки от дела — один том целый год или два печатанием продолжить» (ААН, ф. 3, оп. 1, № 259, л. 282—282 об.).

¹ В Канцелярии в мае 1762 г. присутствовали Ломоносов и Тауберт (ААН, ф. 3, оп. 1, № 532, л. 139—141 об.).

² У Пекарского (с. 218) ошибочно: 22 мая.

16. Автограф — ААН, ф. 3, оп. 1, № 259, л. 287.

¹ В Канцелярии в начале октября присутствовал Тауберт (ААН, ф. 3, оп. 1, № 532, л. 226—228).

² В 10 томе перевода «Древней истории...» Роллена (1762) была помещена составленная Тредиаковским «Табель хронологическая» (с. 232—314) и «Указание вещей, содержащихся в Ролленовой Древней истории» (с. 315—561). В результате публикуемого прошения Тредиаковского Канцелярия 22 октября определила выдать ему за табель и реестр, имевшие объем в 40 листов, 200 рублей (Пекарский, с. 218).

17. Список — ИРЛИ, ф. Майкова, № 96, л. 40. Автограф, хранившийся в ГПБ, не обнаружен.

¹ «История о римских императорах от Августа по Константина...» Ж.-Б.-Л. Кревиера (т. 1 напечатан в 1767 г.).